

УДК 811.512.37

ББК 81.2-3

ТИПОЛОГИЯ УСТАРЕВШЕЙ ЛЕКСИКИ В КАЛМЫЦКОМ ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

(на материале прозы К. Эрэндженова) *

Н. Ч. Очирова

Актуальность заявленной в названии проблемы обусловлена малоизученностью устаревшей лексики в калмыцком языке в целом и в художественном тексте (ХТ) в частности. Поэтому исследование идиостиля К. Эрэндженова на предмет выявления устаревших слов (УС) и их роли в стилизации ХТ представляет интерес не только в контексте выявления состава лексикона, но и для определения личного вклада писателя в процесс языкового развития. Судьба любого художественного произведения зависит от умения автора точно формулировать свою мысль, степени мастерства владения словом, знания законов его функционирования, виртуозности в использовании изобразительно-выразительных средств языка. Лексический фонд калмыцкого языка, творчески использованный К. Эрэндженовым в его произведениях, свидетельствует о самобытном почерке крупного мастера слова. Основная задача настоящего исследования выявить стилистические функции УС в художественной прозе известного калмыцкого писателя.

УС занимают специфическое место в лексической системе каждого языка. В современной лингвистике все больше внимания уделяется проблемам языковой номинации, к которым по своим функциям относятся и УС. Традиционно термин «устаревшая лексика» используется как обобщающее родовое понятие по отношению к своим разновидностям — историзмам и архаизмам. В отечественной и зарубежной лингвистике последнее понятие относится к числу дискуссионных. Так, некоторые ученые (Л. А. Булаховский [1952], М. Д. Степанова, И. И. Чернышева [1962], А. Н. Гвоздев [1965] и др.) полагают, что к архаизмам относятся все виды УС, в том числе и историзмы. Другие же лингвисты (И. Р. Гальперин [1958; 1981], И. В. Ар-

нольд [1959], Е. М. Галкина-Федорук [1962] и др.) придерживаются традиционного принципа классификации устаревшей лексики. Что касается устаревшей лексики в калмыцком языке, то этой проблеме посвящен ряд статей А. Б. Лиджиева [2011а; 2011б], Н. М. Мулаевой и С. Е. Бачаевой [2011] и др.

Историзмы, как известно, это слова, обозначающие исчезнувшие из современной жизни предметы, явления, ставшие неактуальными понятиями. Они употребляются в текстах, в которых идет речь о прошлом (художественная литература, исторические исследования и т. д.). Историзмы, «как правило, не имеют своих семантических эквивалентов в лексической системе современного языка, они являются единственным выражением соответствующих понятий. Среди историзмов различаются: лексические, семантические и фразеологические. Историзмы употребляются главным образом при описании событий прошлого в целях достижения более достоверного изображения действительности» [Санжина 2001: 23].

После объявления Советским правительством в 1917 г. упразднения всех существующих в царской России сословных делений, гражданских чинов и званий отпала необходимость в употреблении некоторых слов, встречающихся в прозе К. Эрэндженова: 1) *нойн* ‘нойон’ (*Нохала наадсн хорма уга, нойнла наадсн толъа уга*. ‘С нойоном поиграешь — останешься без головы, с собакой поиграешь — останешься без полы’ [Эрнжэнэ 1976: 31]); 2) *зээсч* ‘зайсанг’ (*Эн ээмгин Цедн гидг зээсч Хариг гертэн авч заржасж*. ‘Зайсанг этого аймака Цеден забрал домой Хару и заставлял его у себя батрачить’ [Эрнжэнэ 1963: 21]); 3) *ялч* ‘батрак’ (*Ялчнр хотан уухар герүр цүврлдэд орихав*. ‘Батраки, чтобы поесть, побрели

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (грант № 10-04-36402 а/Ю)

домой' [Эрнжэнэ 1963: 22]); 4) кулакуд 'кулаки' (*Бидн кулакуд нүүлхэр йовжэ бээх улс...* 'Мы люди, которые будут выселять кулаков...') [Эрнжэнэ 1965: 18]) и т. д.

После революции 1917 г. в калмыцком языке появилось много новых и заимствованных слов, отражающих реалии советского времени. Все эти лексемы на данный момент являются историзмами, т. к. обозначаемые ими реалии ушли в прошлое и отсутствует надобность в сохранении этих слов в активном фонде лексической системы калмыцкого языка.

К категории историзмов можно было бы отнести также термины, связанные с религией и широко использующиеся в прозе К. Эрендженова. Но следует отметить, что все эти буддийские термины в современное время в связи с возрождением буддизма в Республике Калмыкия практически выходят из разряда устаревших: хорошо известны носителям языка и активно используются в современной лексике.

К историзмам в художественном тексте писателя можно отнести УС, обозначающие орудия труда, детали упряжи, предметы быта, а также некоторые другие названия: 1) *ярндг* 'кузов (телеги)' (*Муузран сегрхэ хар гериг цуцад, хойр ик ярндгта тергн деер ачад оркв*. 'Разобрав черную просвечивающуюся кибитку Муузры, погрузили на телегу с двумя большими кузовами' [Эрнжэнэ 1963: 42]); 2) *хавал* 'дробовик'; *хойр амта хавал* 'двухстволка' (*Мергн мусг инэчкэд, хойр амта хавал авад катг эргв*. 'Улыбнувшись и взяв двухстволку, Мерген завернул за хлев' [Эрнжэнэ 1976: 8]); 3) *берданк* 'берданка' (*Дериннь шуһуд хорһлжар хадг берданк бээдгиг меднэ*. '[Мерген] знает, что в углу за подушками есть берданка, стреляющая свинцовыми пулями' [Эрнжэнэ 1976: 18]); 4) *тачанк* 'тачанка' (*Һурвн мөрнд татсн тачанк тоормта ... хаалһд оржэ авад, шүрүһар делсн хатрад йовад одв*. 'Тачанка, запряженная тремя лошадьми, выйдя на пыльную дорогу, быстро умчалась' [Эрнжэнэ 1976: 81]) и т. д.

Рассмотрим архаизмы в прозе К. Эрендженова.

Многие слова, являющиеся обозначениями каких-либо явлений, предметов и т. п., в процессе употребления в языке могут вытесняться другими словами (си-

нонимами) и перейти в пассивный фонд. Если историзмы являются единственным выражением соответствующих понятий, то архаизмы представляют собой устаревшие слова пассивного фонда, параллельно с которыми существуют синонимы, являющиеся словами активного словарного фонда.

Степень архаичности слов бывает различной, например, те слова, которые еще не вышли из активного употребления, но используются реже, чем прежде, называются устаревающими. Также в калмыцком языке существуют слова, «которые вышли из употребления давно и никто из современных носителей языка, за исключением специалистов, занимающихся изучением истории языка, не знает о том, что они когда-то содержались в словарном составе языка» [Бардаев 1985: 70].

Архаизмы, встречающиеся в эрендженовской прозе, можно классифицировать на семантические и лексические.

Семантические архаизмы — это ныне существующие слова с устаревшими значениями. Это обычные слова, которые в одном своем значении не употребляются, а в другом значении существуют в современном языке и входят в активный словарный фонд. Таких архаизмов в произведениях К. Эрендженова встречается немного, например, слово *нөкр* имеет два значения: *нөкр* — *уст.* 1. товарищ, друг, приятель; 2. муж, супруг [ХОТ 1977: 383]. В прозе писателя слово *нөкр* встречается в своем устаревшем значении: *Кишва Доржас кэлтэ нөкрэсн салат...* 'Из-за этого паршивого Дорджи отстали от своих приятелей...' [Эрнжэнэ 1963: 190].

Приведем другие примеры, в которых лексемы используются в ХТ в двух своих значениях — в устаревшем и современном: 1) *багш* 1. монастырский багша (настоятель хурула); 2. школьный учитель, преподаватель (*Ах багш (хурлын толһач) ахта бас орцхав*. 'Такие, как главный багша (настоятель хурула), тоже зашли' [Эрнжэнэ 1963: 128]; *Школын багш Занда зар тэвхэр бэгэн болв*. 'Учительница Занда хочет сделать объявление' [Эрнжэнэ 1963: 192]); 2) *зам* 1. тракт, большая дорога, путь; 2. *дерб. уст.* кухня (калмыцкого монастыря) (*Бата маңһдуртнь... ут зам улан хаалһарн Ээдрх хэлэһэд делсэд һарв*. 'Назавтра Бата ... быстро пошел по

своей длинной столбовой дороге в сторону Астрахани' [Эрнжэнэ 1965: 15]; *Асхн жисэндэн орад номан умшчкад, заминдэн бел кесн өцгэр хотан «зооглчкад», тарад гер-гертэн хэрсн бээдлтэ, э-чимэн уга*. 'Вечером по порядку заходя друг за другом, прочитав молитвы, отведав приготовленную на своей монастырской кухне бесплатную еду, видимо, [они] разошлись по домам, никого не слышно' [Эрнжэнэ 1963: 47]).

Лексические архаизмы — это такие архаизмы, которые вытеснены словами с другим корнем, но значение в подобных парах одинаковое, к примеру, слово *цаһалх* 'ягниться' устарело, вместо него употребляется слово *хурһлх* 'котиться, ягниться (об овцах)'; *ээл* 'семья, семейство', отсюда *ээл хээх* 'ходить по гостям' (сейчас употребляется слово *өрк-бүл* 'семья, семейство'); *ула һарһх* 'бить скотину на мясо'; 'свежевать (тушу)' в настоящее время обычно используются выражения — *мал алх*, *мал һарһжэ авх* 'забить скот на мясо' и т. д.

Многие исконные слова, широко употреблявшиеся в период литературной деятельности К. Эрнженнова, в настоящее время вышли из активного фонда. Архаизации подверглись многие слова, например:

- номадная лексика: 1) *мөрн тергн* 'телега, запряженная лошастью'; *терм* 'терме (стенная решетка кибитки)'; *туурһ* 'турга (нижнее покрывало верхней части кибитки из кошмы)' (*Өвгнэ көтлэж йовх тергн деер хойр терм хариулад харимг келад, туурһар бүркжэ*. 'На телеге, которую вел старик, прислонили две решетки и сделали шалаш, прикрытый покрывалом' [Эрнжэнэ 1963: 42]); 2) *цар тергн* 'телега, запряженная волом' (*буурл өвгн ...хойр һалзн цариг зүүһэд, ...көтлэд һарв* 'седовласый старик... запряг двух волов с белой полосой на лбу' [Эрнжэнэ 1963: 42]) и т. д.
- лексика, обозначающая предметы быта, домашнего хозяйства и трудовую деятельность калмыков: 1) *донжэ* 'кувшин'; 'чайник удлиненной формы' (*Тер донжэгт цэ бээна, кезэ у*. 'В том кувшине есть чай, наливай и пей' [Эрнжэнэ 1963: 48]); 2) *наальһи тэрлэ* 'неглубокая тарелка с широкими краями' (*Ик удаһ болһн уга Муузра махан болһад, ик наальһи тэрлэд һарһад, Бата Василий хойриг*

дуудв. 'Через некоторое время Муузра, сварив и выложив мясо в неглубокую тарелку с широкими краями, позвал Бату и Василия') [Эрнжэнэ 1965: 197]; 3) *ташмур арьһн* 'кизяк-лепка' (*Өрүнэ Батаг Ядмин эцкинд одад ташмур ташладад нөкд бол гилэв*. 'Утром просила Бату сходить до отца Ядмы, помочь им лепить кизяк' [Эрнжэнэ 1963: 8]); 4) *һанз* 'курительная трубка' (*Босхмжэ Харин һанз авад тэмк нержэ өгв* 'Босхомджи, взяв трубку Хары, набил ее табаком' [Эрнжэнэ 1976: 9]) и т. д.

• лексика, обозначающая национальные блюда, напитки: 1) *арз* 'арза = крепкая молочная водка двойной перегонки'; *хорз* 'хорза = крепкая молочная водка' (*Арз-хорзин сүүр болад бээжэ аңһуч темәһән мартжэвдн...* 'Пока заседали за арзой и хорзой, забыли об охотничьей верблюдице...' [Эрнжэнэ 1963: 21]); 2) *шүүрмг* 'сушеный творог' (*Үлдсн, көгжэрд бээсн, тулмта шүүрмгэс авад, деернь тавр-тувр өрм келад...* *бер Батад өгв* '...Высыпав из кожаного мешка остатки заплесневевшего сушеного творога, сверху налив немного сметаны, ... невестка подает Бате' [Эрнжэнэ 1963: 64]) и т. д.

• лексика, связанная с номинацией национальной одежды, украшений: 1) *дахм* 'нагрудный карман пиджака или сорочки' (*Хуучн киртэ альчурт оралһата хальмг цэ һарһжэ авад даһмдан дүрчкв*. 'Вытащив калмыцкий чай, завернутый в старый, не первой свежести, платок, положила [его] в нагрудный карман' [Эрнжэнэ 1963: 19]); 2) *камзал* 'камзол' (*Ода күртл эн күүкдин камзал юңгад эс хаюлнат?* 'Почему до сих пор не можете заставить девушек выбросить комзолы?' [Эрнжэнэ 1963: 204]); 3) *боримг* 'лапти из сыромятной кожи' (*Муузра хойр арьһн боримган барун иргд хайчкад, икэр цаңһжэ йовһн бээдлтэ*. 'Муузра, бросив свои сыромятные лапти с правой стороны нижней части кибитки, по всей видимости, сильно испытывал жажду' [Эрнжэнэ 1963: 66]) и т. д.

В индивидуальном стиле К. Эрнженнова историзмы и архаизмы в необходимой мере используются не только для обозначения вышедших из употребления реалий, устаревших понятий, но и для воссоздания колорита эпохи послереволюционного советского времени.

Таким образом, нами выделены основные тематические группы устаревших слов, а также лексические и семантические классы архаизмов, введенные К. Эрендженовым в ХТ. Устаревшая лексика в прозе писателя выступает в качестве основного стилистического средства. Стилизация как основное средство художественного изображения в литературе помогает автору в создании достоверной исторической картины быта калмыцкого народа и построении художественных образов.

Источники

- Эрнжэнэ К. Анһучин көвүн. Элст: Хальмг дегтр һарһач, 1976. 139 х.
Эрнжэнэ К. Һалан хадһл. 1-ч дегтр. Элст: Хальмг дегтр һарһач, 1963. 225 х.
Эрнжэнэ К. Һалан хадһл. 2-гч дегтр. Элст, Хальмг дегтр һарһач, 1965. 245 х.
ХОТ — Хальмг-орс толь / под ред. Б. Д. Муниева. М.: Русский язык, 1977. 768 х.

Литература

- Арнольд И. В. Лексикология современного английского языка. М.: Изд-во лит. на иностр. яз., 1959. 351 с.
Бардаев Э. Ч. Современный калмыцкий язык. Лексикология / под ред. Г. Ц. Пюрбеева. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1985. 153 с.

- Булаховский Л. А. Курс русского литературного языка. М.: Радянская школа, 1952. 305 с.
Галкина-Федорук Е. М. Современный русский язык. Лексика. М.: Изд-во МГУ, 1962. 344 с.
Гальперин И. Р. Очерки по стилистике английского языка. М.: Изд-во лит. на иностр. яз., 1958. 183 с.
Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. М.: Наука, 1981. 135 с.
Гвоздев А. Н. Очерки по стилистике русского языка. М.: Просвещение, 1965. 408 с.
Лиджиев А. Б. Материалы к изучению устаревшей военной лексики калмыцкого языка // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2011. № 1. С. 113–116.
Лиджиев А. Б. Об устаревшей лексике калмыцкого языка // Научная мысль Кавказа. № 1(65). Ч. 2. Ростов-на-Дону, 2011. С. 52–57.
Мулаева Н. М., Бачаева С. Е. Архаизмы, историзмы и религиозная лексика в калмыцком языке (на материале романа А. Бадмаева «Арнзлын гүүдл») // Монголоведение. Вып. 5. Элиста: КИГИ РАН, 2011. С. 222–229.
Санжина Д. Д. Лингвистическое исследование языка бурятской художественной литературы (на материале лексики): автореф. дис. ... д-ра фил. наук. Улан-Удэ, 2001. 47 с.
Степанова М. Д., Чернышева И. И. Лексикология современного немецкого языка. М.: Высшая школа, 1962. 310 с.

УДК 811.581

ББК 81.2-3

АНТРОПОТОПОНИМЫ СИНЬЦЗЯНА

(на материале географических названий Баингол-Монгольского и Бортала-Монгольского автономных округов)

Э. М. Монраева

Топонимика Китая, в частности Синьцзян-Уйгурского автономного района (далее — СУАР), несмотря на ранее опубликованные работы Э. М. Мурзаева [1974], О. Т. Молчановой [1976] и др., все же остается недостаточно исследованной областью в общей структуре ономастики. Поэтому для данной статьи были привлечены материалы на китайском языке, в которых можно обнаружить географические названия с заимствованными элементами из языков малочисленных народов Китая, например монголов, уйгуров, узбеков, казахов и др. При анализе этого материала лингвисты сталкиваются с определенными трудностями, обусловленными искажением монгольских, тибетских, уйгурских и других

некитайских географических названий при передаче их иероглифами многочисленных диалектов китайского языка, по причине которых появляются различные формы одного и того же названия. Так, в русских изданиях встречаются разные названия одних и тех же географических объектов *Цзилин* и *Гирин*, *Байсэ* и *Босэ*, *Сисянь* и *Шэсинь* и др. К тому же существует и другая сложность, связанная с транскрипцией, которая не в состоянии передать тональность китайского языка.

В этой работе мы попытаемся описать некоторые пласты онимов СУАР, а именно: антропотопонимов¹ Бортала-Монгольско-

¹ Материал приводится в следующем порядке: антропотопоним на китайском языке, затем следуют транскрипция на латинице и перевод на русский язык.